

Его учительница

Однажды вечером всё изменится

Анна Лис

АННА ЛИС

Его учительница

<https://litres.ru/74197642>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — хранительница тихих строк и школьных звонков. Он — человек, чьё имя не произносят вслух. Две вселенные, которым не суждено было соприкоснуться, разминутись бы навсегда, если бы не тот дождливый вечер. На мокром асфальте пешеходного перехода он едва не сбил её с ног — и вдруг встретил взгляд, в котором не было ни тени страха. Только свет. И в этот миг всё перевернулось.

Ему предстоит заново учиться дышать, быть живым, быть человеком. Ей — принять его с тяжёлой тенью за плечами. И заплатить за это чувство самую страшную цену, какая только возможна.

Сможет ли свет пронзить тьму, не погаснув? И готова ли тьма стать зарёй — ради неё, ради одной учительницы?

Содержание

Пролог	4
Глава 1: Там, где асфальт встречается с небом	8
Глава 2: Невидимое присутствие	16
Глава 3: Ужин при свечах	28
Глава 4: Черные костюмы и запах мела	34
Глава 5: Маски сброшены	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Его учительница

Пролог

Москва, десять лет назад.

Отец стоял на коленях.

Саша Волков, двадцатидвухлетний выпускник юрфака, смотрел на это — и воздух в груди превратился в камень. Сергей Александрович, человек, которого он боялся и боготворил всю жизнь, чьё слово было законом, чей голос — громом в их доме, — сейчас стоял на коленях перед каким-то толстым человеком в дешёвом костюме и умолял о пощаде.

— Я не брал этих денег. — Голос отца срывался, как струна, готовая лопнуть. — Клянусь вам, я не брал.

— Сергей Александрович. — Толстяк лениво почёсывал живот, и от этого жеста веяло сытой, тупой властью. — Вы же юрист. Должны понимать: доказательства есть. У нас всё. Подписи, свидетели... Даже ваша жена подписала кое-какие бумаги.

Саша рванулся вперёд — но его перехватили двое в чёрном. Стальные пальцы впились в плечи.

— Не врите! — закричал он, и крик этот вырвался из самой глубины, где ещё теплился мальчик. — Мать ничего не

подписывала! Вы подставили отца!

Толстяк перевёл на него взгляд. Медленный, вязкий — как у удава, который уже знает, что добыча никуда не денется.

— Мальчик, — произнёс он, и слово это прозвучало как приговор. — Твой папа слишком много знал. Мы не хотели так. Мы предложили ему сделку. А он отказался. Сказал, что *«правда важнее денег»*. Понимаешь, мальчик, какая глупая идея — выбирать правду?

Он шагнул к Саше вплотную. От него пахло дешёвым табак и, как ни странно, мятными леденцами. Этот запах — сладковатый, приторный, омерзительный — Саша запомнит на всю жизнь. До конца своих дней.

— У тебя есть сестра, — тихо сказал толстяк, почти ласково. — И мать. Они очень красивые. Было бы жаль, если бы с ними что-то случилось. Прямо сейчас ты должен сделать выбор. Ты можешь попытаться восстановить справедливость — и потерять всё. А можешь... жить. И защищать своих близких

Саша смотрел в глаза этого человека. В них не было ненависти. Ни злобы. Ни страсти. Только равнодушие — ледяное, бесконечное, как зимнее небо над Москвой.

— Я выбираю жить, — сказал Саша.

Голос его звучал ровно. Но внутри рухнуло что-то навсегда.

Толстяк улыбнулся.

— Умный мальчик.

Отец поднял голову. В его глазах была такая боль, что Саша не выдержал — дёрнулся, уронил взгляд, будто его ударили.

— Прости, сын, — прошептал Сергей Александрович. — Прости, что не смог защитить вас.

Его увели через час.

Саша сидел в пустом кабинете и смотрел на остывший чай. Тонкая плёнка затягивала поверхность. Мысли не шли — только одна фраза стучала в висках, как маятник: *«Я должен защитить их»*.

Через месяц отца убили в тюрьме. Официальная версия — сердечный приступ. Саша знал правду.

Он пошёл в прокуратуру. Ему сказали: «Забудь, мальчик. Не твоего ума дело».

Он пошёл к друзьям отца. Они отворачивались.

Он пошёл к врагам отца. И заключил сделку.

— Я буду делать то, что вам нужно, — сказал он тем, кого раньше презирал до дрожи в пальцах. — Вы дадите мне защиту и деньги. И поможете уничтожить тех, кто убил моего отца.

— А что ты сделаешь для нас? — спросили его.

— Я стану тем, кого будут бояться, — ответил Саша. — Я стану вашим щитом и вашим мечом.

В ту ночь он убил в себе того мальчика со скрипкой. Того, кто верил в справедливость, в правду, в то, что добро побе-

дит. Того, кто играл, закрыв глаза, только для себя, только для тишины.

Он убил его тихо и без слёз.

И больше никогда не играл.

Глава 1: Там, где асфальт встречается с небом

Вечерний город тонул в бархатных сумерках, которые нехотя уступали место тяжелым, свинцовым тучам. Александр Волков — человек, привыкший держать под ладонью пульс этого мира, от биржевых котировок подставных компаний до тайных маршрутов оружейных поставок через северные порты, — сидел на заднем сиденье своего бронированного «Майбаха». Он знал лишь жесткость бетона, холод стали и неумолимость приказов. В его мире не было места случайностям и сантиментам.

Внешность Волкова говорила сама за себя: породистая хищная опасность, отточенная годами беспощадной борьбы. Ему было около сорока пяти, но тяжелая жизнь не столько состарила, сколько высекла его из грубого камня. Густые темные волосы с благородной проседью на висках были зачесаны назад, открывая массивный лоб мыслителя и тяжелую линию челюсти, способную, казалось, перекусить стальной трос. Лицо пересекала едва заметная тонкая линия шрама у левой брови — память о далекой молодости в «лихие девяностые». Но главным оружием были глаза: серые, холодные, пронзительные. Они смотрели на мир с хирургической

отстраненностью, оценивая, взвешивая и вынося приговоры без права на апелляцию.

Сейчас эти глаза с легким прищуром сканировали мерцающую поверхность планшета, где сменяли друг друга графики, цифры офшорных счетов и спутниковые снимки контейнеров в порту.

В тот вечер косые струи дождя размывали толстое пуленепробиваемое стекло, превращая яркие огни мегаполиса в акварельные пятна. Город плакал, но Волков не замечал этой печали.

— Быстрее, — бросил он водителю сухо, почти без интонации, не отрывая взгляда от планшета. — Через десять минут встреча. Нам еще светофоры объезжать.

Тем временем Анна, учительница литературы в местной гимназии, брела домой по противоположной стороне широкого проспекта. Она не думала о деньгах, поставках или опасностях. Ее мысли витали в эмпиреях русской словесности. В памяти назойливо звучали строки Ахматовой о роке и любви, а разум пытался распутать для юных умов клубок тургеневского *«лишнего человека»*. В руках она держала потертую кожаную сумку, раздувшуюся от стопок ученических тетрадей и сочинений.

Анна была полной противоположностью Волкову. Ей шел тридцать пятый год, но в облике сквозила та неуловимая интеллигентская мягкость, которая делает человека уязвимым в большом городе. Высокая, но сутуловатая, словно привык-

ла пригibasь под тяжестью чужих мыслей и вечных сомнений. Русые волосы, уже тронутые ранней сединой на висках, небрежно падали на лоб. Их вечно трепал ветер, потому что Анна принципиально не носила шапку в любую погоду. Черты ее лица были правильными, даже красивыми, но какая-то рассеянная печаль в уголках губ и глубоко посаженные серо-голубые глаза выдавали в ней мечтательницу, а не воина. Поношенное, но опрятное темно-синее пальто сидело мешковато, а ботинки, хоть и начищенные с утра, к вечеру уже покрылись сетью мелких трещин от московской соли.

Погруженная в мысли о трагедии Печорина, она шагнула на пешеходный переход, не видя ни пути, ни стремительно вынырнувшего из-за поворота черного, блестящего хищника, чей двигатель работал с едва слышным, угрожающим рычанием.

Пронзительный визг тормозов разорвал звуковую ткань ночи, вонзившись в уши острой иглой. «Майбах» застыл в миллиметрах от колен Анны, тяжело осев на переднюю подвеску. Рывок был настолько резким, что из рук учительницы вырвалась сумка, и стопки сочинений, словно раненые птицы с белыми крыльями, разлетелись по мокрому, грязному асфальту, мгновенно впитывая влагу. Анна замерла, вперившись в сверкающую решетку радиатора, казавшуюся ей сейчас оскалом доисторического чудовища. Сердце пропустило удар, а затем бешено заколотилось где-то в горле, отдаваясь глухим, болезненным стуком в висках. Она слышала только

шум крови и стук собственного сердца.

В салоне машины повисла звенящая тишина. Волков даже не шелохнулся. Он лишь медленно перевел взгляд с планшета на фигуру, застывшую перед капотом. Первым порывом была ледяная ярость на идиотку, которая бросилась под колеса. Но что-то странное промелькнуло в сознании, когда он увидел, как эта женщина в мокром пальто смотрит не на машину, а на разлетающиеся бумаги, с выражением ужаса на лице, словно это были не тетради, а тела убитых детей.

Медленно, с тихим электронным жужжанием, опустилось заднее стекло. В салон ворвался влажный, холодный воздух, пахнувший бензином и мокрой пылью. Из полумрака на Анну хлынул взгляд серых, холодных, пронзительных глаз — глаз человека, не знавшего слова «извини». Взгляд этот ощущался физически, как прикосновение дула пистолета ко лбу.

— Надоело жить, философ? — голос Александра был низким, бархатным и опасным, в нем не было и тени эмоций, лишь констатация факта и глухое раздражение.

Анна, очнувшись от оцепенения и поняв, что жива, почувствовала не страх, а волну ледяного, праведного гнева. Легкое раздражение на этого хама в дорогой машине, который мнит себя царем мира, вытеснило испуг. Она наклонилась, собирая промокшие, слипающиеся листы, испорченные учениками десятого «А».

— Это пешеходный переход, — ответила она, выпрямляясь и глядя прямо в глаза человеку, чья аура источала недоб-

рую, давящую силу. Голос Анны дрогнул, но не от страха, а от напряжения. — И скорость здесь ограничена шестьюдесятью километрами в час, а не ста двадцатью. Вы чуть не уничтожили... труды тридцати учеников. Да и меня заодно.

Волков замер. В салоне стало тихо, как в склепе. Такого тона он не слышал в свой адрес никогда. Министры, губернаторы, авторитетные конкуренты — все они говорили с ним иначе. А тут... существо в поношенном пальто, с охалкой грязной бумаги в руках, читает ему лекцию по правилам дорожного движения и ценит какие-то детские каракули выше собственной шкуры.

Внутри шевельнулось что-то, давно забытое. Не гнев, нет. Любопытство. Острое, как лезвие ножа.

Он толкнул дверь и вышел из машины, подставляя лицо холодному дождю. Фигура Волкова, возвышаясь над учительницей, казалась еще более внушительной: широкие плечи, обтянутые тканью идеально скроенного темно-серого костюма, сидевшего на нем как вторая кожа, подчеркивая мощь тренированного тела, не утраченную за годами сидячей работы за переговорными столами. Телохранитель на переднем сиденье напрягся, положив руку на бардачок, готовый к действию, но едва заметный, скупой жест Александра — чуть приподнятый указательный палец — остановил его.

— Твои бумаги стоят дороже, чем твоя жизнь? — спросил он, подходя ближе. В голосе уже не было стали, скорее холодное, изучающее удивление. Дождь стекал по его лицу,

но он не замечал этого.

— Моя жизнь бесценна. Как и любая другая, — отрезала Анна, наконец выпрямляясь и прижимая к груди влажную стопку. Она инстинктивно отступила на полшага, почувствовав исходящую от этого человека мощь, почти физическое давление. — А это — их мысли, их души, пусть и наивные. Для них это важно. А для меня — тем более.

В этот момент луч уличного фонаря, пробив пелену дождя, упал прямо на лицо Анны, осветив ее черты. Волков увидел не ненависть, которую ожидал, и не подлый страх, к которому привык. Он увидел лишь глубокую, все-ленскую усталость учительницы, переживающей за каждый свой урок, перемешанную с необъяснимым, почти детским достоинством и какой-то внутренней, нематериальной силой, перед которой были бессильны его деньги и власть.

Волков, привыкший видеть в людях лишь жадность или страх, ощутил острый, неожиданный укол смутного, почти забытого чувства. Интерес. Чистого, первобытного интереса хищника к необычной жертве, которая не бежит, а смотрит в глаза.

— Как тебя зовут? — неожиданно для самого себя спросил глава синдиката, и в его голосе впервые за долгие годы проскользнула человеческая, не приказная интонация.

— Анна Викторовна, — учительница поправила мокрые очки, которые чудом держались на носу. — Но, боюсь, для вас это не имеет никакого значения.

— Ты ошибаешься, Анна Викторовна, — медленно произнес Александр. Он сделал шаг назад к машине и, не сводя с учительницы взгляда, извлек из внутреннего кармана пиджака дорогой, тяжелый металлический прямоугольник визитной карточки. Черный титан с тисненым серебряным вензелем «А.В.». — Мои люди завтра свяжутся с тобой. Привезут новые учебники или что там еще нужно твоим ученикам. Считай это компенсацией... за этот испуг.

— Мне не нужны ваши деньги, — Анна даже не взглянула на протянутую визитку, продолжая прижимать к себе мокрые тетради, словно самое дорогое сокровище. — Просто будьте осторожнее. Не всё, что движется, — мишень.

Она резко развернулась и пошла прочь, быстро, почти бегом, скрываясь в пелене дождя, оставив самого опасного человека в городе стоять под холодными струями с протянутой рукой.

Александр провожал ее взглядом, пока фигура учительницы не растворилась в серой мгле, слившись с тенями мокрых деревьев. Он смотрел на свою руку, на визитку, которую посмели проигнорировать. Впервые. В голове звенела странная, пустая тишина, в которой эхом отдавались слова: *«Не всё, что движется, — мишень»*.

— Босс? — тихо, почти испуганно позвал водитель, опуская стекло. — Мы опаздываем на двадцать минут. Нас ждут. Волков медленно убрал визитку обратно в карман, сел в машину, захлопнул тяжелую дверь. Стекло поползло вверх,

отсекая внешний мир с его дождем и странными учителями.

— Узнай о ней всё, — не оборачиваясь, приказал Александр, глядя в темноту за лобовым стеклом, туда, где только что исчезла Анна. Голос его звучал глухо. — Где живет, где работает, чем дышит. Всё. До мелочей. К утру доклад должен быть у меня на столе.

Машина плавно тронулась с места, вспарывая зеркальную гладь луж и оставляя на мокром асфальте лишь размытые тени да несколько забытых тетрадных листов, втоптаных в грязь — они взметнулись было в воздух, но тут же прилипли к колёсам, теряясь в хлюпающем месиве.

Так началась игра, в которой правила устанавливал не уголовный кодекс, не воровские понятия и не липкий, как болотная жижа, страх. Правила диктовало нечто гораздо более древнее и непредсказуемое — то, во что Волков давно разучился верить, а Анна, сама того не ведая, всё ещё носила в самой глубине сердца, словно потухшую, но живую искру.

Судьба.

Глава 2: Невидимое присутствие

Утро после той случайной встречи началось для Александра Волкова необычно. Вместо привычного просмотра финансовых сводок и оперативных данных по движению грузов, он сидел в своем кабинете на последнем этаже стеклянной башни делового центра, ожидая совсем иного доклада. Кабинет Волкова был слепком его души: строгая геометрия линий, минимум уюта, максимум функциональности. Панорамные окна от пола до потолка открывали вид на город, который лежал у его ног, как покорный зверь, истерзанный, но всё ещё дышащий. Стол из чёрного мрамора, кожаное кресло, напоминающее трон, и ни единой лишней детали. Только стопка папок с грифом «Совершенно секретно» да мониторы, транслирующие съемки с камер наблюдения в портах и на ключевых объектах — немые свидетели его власти.

Ровно в восемь утра в кабинет без стука вошёл начальник службы безопасности Волкова — Сергей Николаевич Круглов, сухой, поджарый мужчина лет пятидесяти с лицом, изрезанным глубокими морщинами, словно старая карта, и цепкими глазами бывшего следователя по особо важным делам. За ним семенил молодой аналитик с ноутбуком, стараясь не дышать в присутствии больших людей, — его шаги

звучали как робкий шёпот на фоне уверенной поступи Круглова.

— Александр Сергеевич. — Круглов положил на стол тонкую, но плотную папку. — По вашему запросу. Полное досье на объект.

Волков поднял взгляд от монитора, и Круглов внутренне напрягся. Он работал на босса десять лет, но так и не привык к этому взгляду — холодному, сканирующему, будто просвечивающему собеседника насквозь, до самых костей.

— Докладывай. — Волков коротко приказал, откидываясь в кресле. — Без бумаг. Коротко и по сути.

Круглов кивнул, жестом отослал аналитика к двери и начал:

— Анна Викторовна Новикова. Тридцать четыре года. Родилась в Москве, в семье преподавателей. Отец — Виктор Иванович Новиков, профессор филологии МГУ, умер пять лет назад от инфаркта. Мать — Елена Дмитриевна, пенсионерка, живёт отдельно в Подмосковье.

Волков слушал, и перед его мысленным взором возникал совсем иной образ, нежели тот, что он привык видеть в своём окружении, — образ женщины, которая не вписывалась ни в одну из известных ему схем.

— Образование. — Круглов продолжил, как будто читал судьбу по заученным строкам. — Филологический факультет МГУ, красный диплом. Аспирантура, защитила кандидатскую диссертацию по творчеству Достоевского. Могла

остаться в университете, но пошла в гимназию — обычную, не элитную. Говорят, принципиально.

— Почему? — голос Волкова прозвучал тише обычного, почти потерявшись в гуле кондиционера.

— В досье есть её интервью для университетской газеты десятилетней давности. Цитата: «Элиты и так достаточно пе-
стуют своих детей. Настоящая литература нужна там, где она
может изменить жизнь». — Круглов позволил себе лёгкую
усмешку. — Идеалистка.

Волков промолчал, но где-то в глубине его сознания эта фраза отозвалась странным эхом, как камешек, брошенный в тёмный колодец. «Изменить жизнь». Он менял жизни каждый день, но совсем иными методами — железной рукой, сделками, угрозами. А она — словом.

— Личная жизнь? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

— Чисто. — Круглов пожал плечами. — Был роман с коллегой, учителем истории, года три назад. Разошлись. Сейчас одна. Друзей немного, в основном из университетского круга. Никаких связей с криминалом, политикой, даже сомнительных знакомств нет. Живёт скромно: однокомнатная квартира в старом фонде, в районе Патриарших прудов.

— На что живёт? — Волкову казалось странным, что взрослая женщина с таким образованием не стремится к большому достатку. В его мире каждый сам ковал своё счастье из золота и стали.

— Зарплата учителя — около семидесяти тысяч, плюс небольшие подработки: репетиторство, лекции в библиотеках, редкие публикации в литературных журналах. Гонорары смешные. Но она не бедствует, просто... не стремится к роскоши. Словно живёт в другом измерении.

Круглов замолчал, видя, что босс погрузился в раздумья. Затем осторожно добавил:

— Есть ещё одна деталь, Александр Сергеевич. Каждую среду она ходит в хоспис в Сокольниках. Читает пациентам вслух. Бесплатно. Уже два года.

Волков поднял бровь — жест, который у него означал крайнюю степень удивления. В его мире никто не делал ничего бесплатно. Слово «благотворительность» обычно означало прикрытие для отмыwania денег или пиара. А тут... тишина, свет, книга в руках — и ни грамма выгоды.

— И последнее. — Круглов явно колебался, стоит ли говорить, но решился. — Она трижды отказывалась от предложений перейти в элитные школы и частные гимназии, где платят в пять раз больше. Говорит, что в обычной школе она нужнее.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гулом кондиционера. Волков медленно провёл пальцем по краю мраморного стола, обдумывая услышанное. Перед ним была женщина, живущая по законам, недоступным его пониманию. Женщина, которая добровольно выбирала скромность, служение и бескорыстие. В мире Волкова такие лю-

ди либо давно вымерли, либо были наивными дураками, которых быстро «съедали». Но эта Анна не выглядела душой. Она выглядела... цельной. Как статуя, высеченная из цельного камня, — без трещин, без фальши.

— Что с её финансами? Кредиты, долги? — спросил Волков на всякий случай, проверяя последнюю лазейку.

— Ничего. Вообще никаких долгов. Даже кредитной карты нет. Платит за всё наличными или с дебетовой карты, где всегда ровно столько, сколько нужно на жизнь. Это... пугающе чисто, если честно. Словно она не от мира сего.

— Хорошо. — Волков кивнул, давая понять, что доклад окончен. — Оставь папку. И проследи, чтобы в школу завезли те книги, что я заказывал. Без лишнего шума. Через подставной фонд.

Круглов удивился, но вида не подал. Босс никогда не занимался благотворительностью, разве что для прикрытия крупных проектов. А тут какая-то школа, какие-то книги... В воздухе пахло чем-то новым, непонятным, почти опасным.

Когда дверь за подчинёнными закрылась, Волков открыл папку и долго смотрел на единственную фотографию, прикреплённую к досье. На ней Анна стояла у школьной доски с мелом в руке и улыбалась кому-то за кадром. Улыбка была открытой, тёплой, без тени той усталости, что Волков видел в дождливый вечер. Она светилась изнутри, как лампада в тёмном храме.

«Интересно, — подумал Александр, — а мне она так смо-

жет улыбнуться когда-нибудь?»

Анна тем временем пребывала в полном недоумении. Началось всё с букетов. Первый она заметила в учительской во вторник утром — роскошные белые пионы, её любимые, хотя откуда кто-то мог знать о таком предпочтении? Анна вообще не помнила, чтобы кому-то говорила о любви к пионам. Букет стоял на её столе без записки, без намёка на отправителя, как внезапное чудо посреди серого утра. Коллеги перешёптывались, завуч Елена Петровна, женщина балетного возраста с вечной одышкой и неутолимой любовью, заглядывала через плечо:

— Анна Викторовна, неужели тайный поклонник? А вы скрытная!

— Елена Петровна, я сама удивлена. — Анна пожала плечами, вдыхая нежный аромат. Цветы были свежайшими, явно из очень дорогого салона, — их лепестки дрожали, как живые. На её учительскую зарплату таких не купишь.

На следующий день пионы сменились бордовыми розами, тяжёлыми, бархатистыми, словно пропитанными кровью. Ещё через день — нежнейшими ирисами, перевязанными шёлковой лентой ручной работы. Анна пыталась расспросить вахтёра, охранников, но те лишь пожимали плечами: привозят рано утром, курьер в дорогой форме, ничего не говорит, только просит передать лично Новиковой. Тайна сгущалась, как туман над осенним прудом.

Вечер пятницы выдался тяжелым. Анна задержалась в

школе допоздна — проверяла итоговые сочинения выпускников. Тема была вольная, и дети, как всегда, писали о любви, о смысле жизни, о страхах и надеждах. Анна вчитывалась в неровные строчки, делала пометки красной ручкой, иногда улыбалась наивным умозаключениям, иногда хмурилась, видя глубокие, недетские мысли — в них билась сама жизнь, пульсировала боль и радость.

За окном давно стемнело. Осенний ветер гонял по пустому школьному двору пожухлые листья, фонари раскачивались, отбрасывая длинные, пляшущие тени, словно призраки ушедшего дня. Анна дописывала последний комментарий к сочинению Коли Ветрова, когда в тишине коридора раздались шаги. Она подняла голову — шаги стихли. Наверное, сторож обходит этажи.

Она снова склонилась над тетрадью и вдруг услышала знакомый, низкий рокот мотора за окном. Звук был особенным — мощным, но приглушённым, как дыхание крупного хищника, затаившегося в засаде. Анна подошла к окну и отдернула штору. Сердце её сначала замерло, а затем забилось быстрее, как пойманная птица. У школьных ворот, под старым раскидистым кленом, стоял тот самый чёрный «Майбах». Он словно материализовался из темноты, поблёскивая лаком в свете единственного фонаря, — огромный, бесшумный, почти потусторонний. А рядом с машиной, прислонившись к капоту, стоял Александр Волков с большим чёрным зонтом в руке.

Даже на расстоянии Анна разглядела его фигуру — прямую, напряжённую, не обращающую внимания на начинающийся дождь. Волков смотрел прямо на окна третьего этажа, туда, где горел свет в кабинете литературы, — смотрел с такой сосредоточенностью, будто пытался прожечь стекло взглядом.

Первым порывом Анны было спрятаться, задёрнуть штору, притвориться, что её нет. Но что-то остановило её. Этот человек, такой могущественный и опасный, стоял под дождём, как нашкодивший мальчишка, ожидающий прощения. В этом было что-то неестественное, почти комичное для человека его статуса, но одновременно трогательное — и пугающее.

Анна быстро собрала тетради в сумку, накинула пальто и вышла из класса. Спускаясь по тёмной лестнице, она пыталась унять дрожь в руках. *«Чего он хочет? Почему не уходит? Зачем эти игры с цветами?»* — вопросы роились в голове, как осенние мухи.

Она вышла на школьное крыльцо под навес. Дождь уже лил как из ведра, холодный, осенний, с мелкими льдинками, впивающимися в лицо. Волков, увидев её, выпрямился и сделал несколько шагов навстречу, держа зонт над головой, но сам уже промокший до нитки. Дорогой костюм облепил его широкие плечи, тёмные волосы намокли и блестели в свете фонаря, как вороново крыло. А в глазах — Анна подошла ближе и смогла разглядеть — не было привыч-

ной стальной холодности. Было что-то другое. Напряжённое ожидание, смешанное с мольбой, которую он не смел высказать вслух.

— Дождь начинается, Анна Викторовна. — Голос Волкова звучал глухо, почти мягко, без обычной командной интонации, словно он снял маску. Он чуть заметно улыбнулся, и от этой улыбки у Анны почему-то перехватило дыхание. — Я подумал, что вам не стоит мокнуть. Садитесь, довезу до дома.

Анна стояла под козырьком крыльца, не решаясь сделать шаг под дождь. Расстояние между ними было всего несколько метров, но казалось пропастью, вырытой между двумя мирами.

— Зачем вы здесь? — спросила она тихо, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — И зачем всё это? — она обвела рукой пространство, подразумевая и книги, и цветы, и само присутствие Волкова, эту незримую сеть, которую он плел вокруг неё.

— Садитесь в машину, промокнете. — Волков сделал шаг вперёд, протягивая зонт так, чтобы накрыть Анну. — Объясню.

Анна секунду колебалась, потом махнула рукой и шагнула под спасительный круг зонта. Вместе они быстро пересекли мокрый двор, и уже через мгновение Анна оказалась в уютном, тёплом салоне «Майбаха», который пах дорогой кожей, деревом и едва уловимым мужским парфюмом с нотами бер-

гамота и табака. Волков обошёл машину и сел на водительское место — сам, без шофёра. Двигатель заурчал, как сытый зверь, и машина плавно тронулась в ночь, оставляя позади мокрый асфальт и тишину, полную невысказанных слов.

— Пристегнитесь, — произнёс он, поворачивая ключ зажигания. Двигатель не взревел, а заурчал мягко, почти по-кошачьи, словно большой зверь, проснувшийся от ласки.

Машина скользнула вперёд, бесшумно разрезая лужи, вспарывая зеркальную гладь воды на мокром асфальте. В салоне царил кокон тепла и тишины — лишь климат-контроль дышал ровно, да дождь выстукивал по стеклу нервную дробь, отгораживая их от мира плотной стеной. Анна сидела на пассажирском кресле, прижимая к груди сумку с тетрадами, и не знала, куда деть руки — они казались чужими, лишними, словно она сама была здесь лишней.

— Почему вы это делаете? — наконец разорвала она тишину, впившись взглядом в профиль Волкова, освещённый призрачным светом приборной панели. — Цветы... И это всё, — она качнула головой, обводя взглядом салон.

Волков вёл машину уверенно, одной рукой, вторую небрежно бросив на подлокотник. Молчание затянулось — такое густое, что Анна уже решила: не ответит. Но Александр вдруг заговорил, и голос его звучал непривычно — задумчиво, будто он перебирал слова, как чётки:

— В моём мире всё имеет цену. Всё продаётся и покупается. Люди. Решения. Жизни, — он сделал паузу, точно пе-

режёвывая горечь этих слов. — Я привык к этому. Думал, что иначе не бывает. А потом появились вы.

Анна вздрогнула. Это «вы» прозвучало как пощёчина — и как признание.

— Вы, — повторил Волков, мельком глянув на неё. — С этими дурацкими тетрадями, которые для вас дороже собственной шкуры. Вы, которая посмотрела на меня — самого опасного человека в этом городе — и сказала: *«Просто будьте осторожнее»*. Не попросила денег. Не испугалась. Не попыталась угодить. Просто... осталась собой.

Они замерли на светофоре. Волков повернулся к Анне, и в полутьме его серые глаза казались почти прозрачными, светлыми — без привычной хищной стали, без брони.

— Ваш мир, — тихо продолжил он. — Мир, где люди читают книги, спорят о Достоевском, помогают умирающим в хосписах, мечтают о высоком... Он бесценен. Я и забыл, что такой существует. А вы — вы его часть. Живая. Настоящая.

Анна молчала, потрясённая. Она не ждала от этого человека такой откровенности, такой оголённой ранимости — как обнажённый нерв.

— Я просто хочу побыть в нём ещё немного, — закончил Волков и снова уставился на дорогу, когда вспыхнул зелёный. — Если вы позволите.

Машина снова тронулась, бесшумно скользя по мокрому асфальту, как призрак. Анна смотрела на руки Волкова, лежащие на руле — крупные, сильные, с аккуратным маникю-

ром, но при этом какие-то... одинокие. Словно они давно забыли, что такое прикосновение без расчёта. И вдруг она поняла: боится не этого человека. А того, что начинает чувствовать к нему что-то, чему нет названия. Не жалость. Не страх. Что-то тёплое, щемящее, отчего сжимается сердце, будто его стиснула чья-то ладонь.

— А если я не позволю? — тихо спросила она, проверяя границы.

Волков усмехнулся, но в усмешке не было прежней опасности — только тихая грусть:

— Тогда я исчезну. Цветы больше не пришлют. Книги останутся — не выбрасывать же их. А я... я вернусь в свой мир. И буду знать, что есть место, куда мне хода нет.

Глава 3: Ужин при свечах

Вечерний город шумел где-то далеко внизу, растёкшись светящейся рекой из фар и неоновых жил. Лифт бесшумно вознёс их на самую вершину стеклянной башни, и когда двери разошлись, Анна на мгновение забыла, как дышать.

Это была не просто оранжерея. Это был оазис, застывший в облаках. Под высоким стеклянным куполом, сквозь который, казалось, можно дотянуться рукой до россыпи холодных звёзд, буйствовала зелень. Пальмы с широкими листьями прятали укромные тени, плющ оплетал металлические балки, а в центре, у небольшого пруда с кувшинками, стоял круглый стол. На белоснежной скатерти мерцали свечи в высоких прозрачных подсвечниках, а рядом, в ведёрке со льдом, темнела бутылка дорогого вина.

— Ты... часто так ужинаешь? — Анна первой разбила тишину, чувствуя себя неуютно в этом идеальном, тщательно выверенном пространстве. Она сунула руки в карманы простых брюк, словно пытаясь защититься от окружающей роскоши.

Александр, сбросивший маску неприступности вместе с пиджаком, который он небрежно перекинул через кресло, усмехнулся.

— Никогда. Обычно это место только для меня. И для раз-

мышлений.

Он подошёл к столу и разлил вино по бокалам. Рубиновая жидкость заиграла в свете огня.

— Ты, наверное, голодна. Я заказал то, что люблю сам. Надеюсь, тебе понравится. Здесь готовят фантастическую утку с апельсиновым соусом.

Анна не сделала глотка. Она подошла к стеклянному ограждению, вглядываясь в ночную панораму. Где-то там, внизу, осталась её привычная жизнь: школа, тетради, проверка сочинений, маленькая квартира с видом на стену соседнего дома.

— Я знаю, кто вы, Александр, — тихо сказала Анна, не оборачиваясь. Голос её звучал ровно, но в нём чувствовалась стальная нотка. — О вас говорят страшные вещи.

За её спиной воцарилась тишина. Слышно было только, как потрескивает фитилёк свечи.

— Что именно говорят? — голос Александра был спокоен, но в нём появилась непривычная хрипотца.

— Что вы... решаете вопросы. Такие, о которых в новостях не говорят. Что у вас связи с теми, кого боятся даже чиновники. Что вы человек без принципов, идущий по головам.

Повисла долгая пауза. Александр медленно поставил свой бокал и подошёл к Анне. Он встал почти вплотную, но не касаясь, давая ей пространство для выбора.

— Это правда, — просто сказал Александр. — Частично.

Анна резко обернулась, в её глазах мелькнуло удивление и боль.

— Ты даже не отрицаешь?

— Зачем? Ты же умная женщина, Анна. Ты читала газеты, ты слышала слухи. — Александр смотрел прямо ей в глаза. — В том мире, где я живу, нет места сомнениям. Там я — то, что обо мне говорят. Щит для своих и меч для чужих.

Александр сделал крошечный шаг вперёд, и теперь между ними оставались считанные сантиметры. Он осторожно, почти робко, поднял руку и коснулся пальцами руки учительницы. Кожа Анны была тёплой, и от этого прикосновения по телу Александра словно прошёл разряд.

— Но сейчас, — продолжил он тихо, и в его голосе исчезла привычная властность, — рядом с вами... я хочу быть просто человеком. Человеком, который устал. Который двадцать лет строил эту стальную клетку вокруг себя, чтобы никто не мог причинить боль. И который впервые за эти двадцать лет встретил ту, кого хочется в эту клетку впустить.

Он говорил «вы», как в первую их встречу, и это «вы» звучало не как формальность, а как высшая степень уважения и восхищения.

— Позвольте мне показать вам, — прошептал Александр, — что за этой сталью скрывается сердце, способное на нежность. Я не прошу простить или забыть то, что вы слышали. Я прошу только об одном — дать мне шанс быть для вас другим.

Анна замерла. Она чувствовала тепло ладони Александра, видела в его глазах не отражение безжалостного "смотрящего", а отражение своих собственных сомнений и надежд. Внизу, в городе, гремела и спешила жизнь, а здесь, в этом стеклянном раю, время остановилось.

— Утка, говоришь, с апельсиновым соусом? — тихо спросила Анна, и в уголках её губ дрогнула едва заметная улыбка.

Александр выдохнул. Напряжение спало с его плеч.

— И лучший шоколадный фондан, который ты когда-либо пробовала. Обещаю.

Они сели за стол. Свечи отражались в стекле, создавая иллюзию, что они парят среди звёзд.

— У меня есть ученик, Коля, — вдруг начала Анна, отрезая кусочек утки. — Представляешь, на прошлой неделе принёс в класс хомяка. Спрятал в портфеле, а тот прогрыз дыру в рюкзаке соседки по парте и убежал за шкаф. Мы полурока ловили его за доской...

Александр слушал, откинувшись на спинку стула, и на его губах играла настоящая, искренняя улыбка. Он слушал не из вежливости. Он впитывал каждое слово, каждую эмоцию этого простого рассказа, словно это было сокровище.

— А ты? — спросила Анна, отпивая вино. — Ты чем увлекался в школе? Или ты уже тогда строил свою империю?

Александр усмехнулся в бокал.

— Я играл в шахматы. И ненавидел физ-ру. Представляешь, "щит и меч" панически боялся лазать по канату. Учи-

тель физкультуры орал, что я "барин-белоручка". Пришлось потом... доказать ему, что я способен на многое. Мирно, — добавил он, заметив настороженный взгляд Анны. — Просто перестал пропускать занятия и через месяц залез быстрее всех. Из принципа.

Они проговорили несколько часов. О книгах (Александр обожал научную фантастику, Анна — классическую прозу), о мечтах (*Александр мечтал когда-нибудь улететь на край света, где нет телефонов, Анна — написать книгу, но "всё как-то не до того"*), о том, как маленькие случайности меняют жизнь.

— Тот переход, — тихо сказал Александр, когда вино в бокале почти закончилось. — Я ведь мог проехать мимо. У меня была важная встреча. Водитель сигналил. Но я увидел, как ты стоишь там, под дождём, с этой своей смешной папкой, прижимая её к груди... и мне показалось, что весь мир остановился.

Анна покраснела, радуясь, что в полумраке свечей этого не видно.

— А я думала, что ты просто очередной мажор, который не смотрит на людей.

— Я не смотрел. Никогда не смотрел, — признался Александр. — Пока не увидел тебя. Знаешь, две заблудшие души. Одна потерялась в деньгах и власти, другая — в книгах и чужих судьбах. И, наверное, только встретившись, они смогут найти дорогу домой.

Анна посмотрела на город внизу. Огни уже не казались ей чужими и холодными. В них появился тёплый, мерцающий смысл.

— Покажи мне звёзды, — попросила она. — В смысле, настоящие. Скажи, где тут у тебя Большая Медведица, раз уж мы в планетарии.

Александр рассмеялся тихим, счастливым смехом, встал и подошёл к ней. Он указал рукой в небо, и, повинувшись внезапному порыву, Анна положила свою голову ему на плечо, глядя в ту же точку.

Звёзды молчали. Им не нужно было ничего говорить.

Глава 4: Черные костюмы и запах мела

Утро в гимназии №12 выдалось на удивление сонным — словно сама осень закутала здание в сырой серый кокон. За окнами моросил привычный дождь, стекла запотели от дыхания сотен учеников; в коридорах витал густой запах свежесваренного кофе из учительской, смешанный с привкусом вчерашних маковых булочек — этот аромат застревал в складках одежды и памяти. Анна Викторовна, как всегда, явилась за сорок минут до первого звонка — время, принадлежавшее только ей и тишине. Поправила стопку тетрадей, открыла форточку, впуская влажный воздух, и уткнулась в сочинения. Тема всё та же: «Почему Печорин — лишний человек?» Она перечитывала строки учеников и думала: лишний ли? Или просто не нашедший своего места среди душевных стен?

— Анна Викторовна, а правда, что вы вчера видели НЛО? — дверь распахнулась, как от порыва ветра, и в кабинет влетела Лена Косицына — любимица, главная сплетница, не знающая ни преград, ни стука.

— Правда, Лена. Оно приземлилось прямо на школьном стадионе и попросилось на факультатив по русскому языку,

— не отрываясь от тетради, ответила Анна. В голосе её звучала та особая усталая ирония, которую учителя оттачивают годами. — Иди готовься к уроку.

Лена фыркнула, как рассерженная кошка, и убежала, оставив дверь нараспашку. Из коридора доносилась привычная какофония: топот ног, взрывы смеха, истеричные крики «Дай списать!» и, как басовый аккомпанемент, грозный голос завуча Анны Михайловны: «Куда без сменки, молодой человек?!» Ничто не предвещало беды. Ровно до 11:15.

В 11:10 у Анны начался десятый «А». Она подошла к доске, взяла мел — белый, ломкий, пахнувший извешткой и школьным детством.

— Итак, открываем тетради, записываем тему: «*Символизм в поэзии Серебряного века*». — Анна повернулась к доске и начала выводить буквы. Мел скрипел, оставляя тонкую белую пыль. На задней парте кто-то зашептался — назойливо, как комариный звон.

— Пахомов, убери телефон, пожалуйста, — не оборачиваясь, попросила Анна.

— Щас, — лениво протянул Пахомов, купаясь в собственном вседозволенном величии. — Я с мамой переписываюсь.

В классе хихикнули — дежурная волна смеха, прикрывающая трусость.

Анна вздохнула. Дописала тему. Только собралась обернуться и начать лекцию о Блоке — о туманах, о Прекрасной Даме, о мистике, пронизывающей будни, — как в коридоре

раздался звук.

Сначала это был просто топот. Тяжёлый. Ритмичный. Так топают несколько мужчин, идущих в ногу — чеканно, неумолимо, как метроном судьбы. Потом раздался испуганный вскрик кого-то из младшекласников — короткий, жалобный, словно писк раненой птицы. И грохот — упала сумка. Или чья-то надежда на спокойный день.

В классе воцарилась абсолютная тишина. Даже Пахомов — этот маленький король своей парты — убрал ноги со стула, выпрямился и насторожился, как зверёк, почуявший хищника.

Шаги приближались. Они были уверенными, давящими, неотвратимыми — каждый шаг впечатывался в тишину, как печать на сургуч.

Анна замерла с мелом в руке. Крошка мела осыпалась на пол, белая, как первый снег. Она смотрела на дверь, чувствуя, как сердце начинает биться где-то в горле.

Дверь распахнулась без стука.

На пороге стояли двое. Первый — глыба в идеально сидящем чёрном костюме, лицо которого не выражало ровным счётом ничего. Пустота. Глаза — холодные, сканирующие. В ухе тускло блестел наушник. Он быстро, профессионально окинул класс взглядом, задержался на долю секунды на каждом лице и, сочтя обстановку безопасной, шагнул в сторону, освобождая проход.

Кто-то ахнул. Девочки с первой парты вжались в стулья,

словно пытались слиться с ними.

В проёме появился второй. На этот раз — в дорогом тёмно-синем пальто, распахнутом, несмотря на холод. Под ним — чёрный костюм, безупречный, как лезвие ножа. Александр выглядел так, словно сошёл с обложки делового журнала, — но в этом журнале писали бы не о деньгах, а о власти. Идеальная осанка. Спокойное, властное лицо. В руках — небольшой футляр из тёмного дерева. Лакированный, тёплый, как живая кожа.

— Анна Викторовна. — Голос Александра прозвучал в мёртвой тишине класса мягко, но отчётливо — каждое слово падало, как камешек в стоячую воду. — Простите за вторжение.

Он вошёл в кабинет. Охранник остался стоять в дверях, загородив собой проход — монолит, отсекающий мир снаружи.

Анна почувствовала, как предательски краснеют уши — жар разлился по шее, по щекам. Мел в руке дрогнул, крошка упала на пол.

— Александр? Что... что случилось?

Класс затаил дыхание. Двадцать пар глаз — широко раскрытых, горящих любопытством и ледяным ужасом. Паховов, который минуту назад чувствовал себя королём вселенной, смотрел на происходящее круглыми, как монеты, глазами. Он узнал этого человека. Все узнали.

Александр подошёл к учительскому столу, не обращая ни

малейшего внимания на учеников. Для него их просто не существовало. Словно они были мебелью, декорацией. Существовал только один человек в этом кабинете.

— Вы забыли это в машине вчера. — Александр положил футляр на стол — движение плавное, почти ласкающее. Чуть подвинул к Анне. — Я подумал, что вам сегодня может пригодиться.

Он открыл крышку. На бархатной подложке, глубокой, как ночное небо, лежала перьевая ручка. Старинная, с изящным пером, поблёскивающим в тусклом свете ламп. Корпус из эбенового дерева — чёрный, матовый, как уголёк, — инкрустированный тонкой серебряной нитью, застывшей в изящном узоре. Анна действительно случайно оставила её в «Майбахе» несколько дней назад, когда они ездили в ту самую оранжерею. Она думала, что ручка пропала навсегда — утонула в кожаных недрах салона.

— Александр, это... это не стоило такого беспокойства, — прошептала Анна. Голос предательски дрожал. Она чувствовала на себе прожигающие взгляды — двадцать пар глаз впивались в неё, как иглы. — Ты мог бы просто позвонить, я бы заехала...

— Не мог. — Голос Александра стал тише, интимнее, словно они остались одни в этом шумном мире. Он чуть наклонился через стол, и теперь только Анна видела тепло в его серых глазах. — Я не хотел, чтобы вы сегодня писали чем-то менее прекрасным, чем ваши мысли. К тому же...

Он на мгновение задержал свою руку поверх её руки — тонкой, с белым ободком от мела. Прикосновение длилось секунду. Но оно обожгло обоих — электрическим током, пробежавшим по коже, по венам, по самой крови.

— ...я скучал.

Анна открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле, как комок ваты. Она просто смотрела в эти серые глаза, забыв, где она. Забыв, что в классе полно детей. Забыв про сочинения, про звонок, про всё на свете.

— Мне пора. — Александр выпрямился. Маска неприступности снова легла на лицо, как забрало. — У вас урок.

Он повернулся к классу. Подростки сидели не дыша. На него смотрели лица — бледные, полные священного ужаса и восторга. Кто-то приоткрыл рот, забыв его закрыть. Кто-то сжимал в руках ручку, побледневшую до костяшек.

— У вас замечательный педагог, — сказал Александр спокойно. Но в голосе его прорезались металлические нотки, холодные и острые, как лезвие. От них у Пахомова почему-то зачесался затылок. — Берегите её. И слушайтесь.

Он перевёл взгляд на Пахомова. Тот сидел с телефоном в руке — глупый, застывший. Взгляд Александра задержался на гаджете ровно на секунду. Этого хватило. Пахомов мгновенно убрал телефон в карман и сел прямо — вытянувшись, как аршин проглотил, вжав голову в плечи.

— До встречи, Анна Викторовна.

Александр кивнул — лёгкий, едва уловимый наклон го-

ловы — и вышел. Охранник шагнул следом, бесшумно, как тень. Дверь закрылась — мягко, но окончательно.

В коридоре снова раздались тяжёлые шаги — удаляющиеся, затихающие, тающие в эхе школьных коридоров.

В классе стояла мёртвая тишина. Никто не шевелился. Даже воздух, казалось, застыл.

Анна медленно выдохнула. Посмотрела на ручку в футляре. Она была невероятно красивой. Чёрное дерево, серебро, изящное перо — вещь, созданная не для писанины, а для того, чтобы держать её в руках и чувствовать себя причастной к чему-то великому.

— Ну... — Анна кашлянула, пытаясь вернуть голосу привычную учительскую интонацию. — Вернёмся к символистам.

Класс взорвался.

— Анна Викторовна! — закричала Лена с первой парты, подпрыгивая на стуле, как на пружине. — Это был ОН?! Тот самый? Девочки, смотрите, какая ручка! Это же Паркер? Нет, это что-то дороже! — ахнула другая ученица, пытаясь заглянуть в футляр. — А вы с ним встречаетесь?! — выпалил кто-то с задней парты, и класс затих в напряжённом ожидании.

Анна густо покраснела. Краска залила щёки, шею, даже кончики ушей.

— Это не ваше дело. А теперь, если вы не против, у нас урок литературы, а не светская хроника.

— Да какая литература! — махнула рукой Лена. — Расскажите! А что у вас в машине? А куда вы ездили? А он правда такой страшный, как про него пишут?

— Он не страшный, — неожиданно для себя ответила Анна, глядя на ручку. На эти серебряные узоры на чёрном дереве. — Он... другой. — Она помолчала. — А теперь открыли учебники на странице 87.

С трудом, но класс удалось успокоить. Однако до конца урока то и дело раздавались шёпотки — как весенние ручейки, пробивающиеся сквозь лёд. А на перемене вокруг Анны собралась толпа — не только из её класса, но и из соседних, прослышавших о визите. Они стояли в дверях, заглядывали, перешёптывались, и в воздухе витал запах мела, смешанный с ароматом дорогого одеколона, который всё ещё не выветрился из кабинета.

Глава 5: Маски сброшены

Утро после визита Александра в школу выдалось для Анны странным, почти сюрреалистичным. Она проснулась с ощущением, что вчерашний день ей приснился — слишком невероятным казалось появление Волкова в её скромном кабинете, слишком сказочным — эти антикварные ручки, слишком невозможным — тот поцелуй, которым Александр коснулся её руки на прощание.

Но реальность ворвалась в её квартиру вместе с солнечным светом: на письменном столе лежала коробка с ручками, на подоконнике всё ещё стояли свежие пионы. Значит, не приснилось. Всё было наяву.

Анна подошла к зеркалу и долго смотрела на своё отражение. На неё глядела обычная учительница с усталыми глазами и вечно взлохмаченными волосами. Ничего особенного. Никакой магии. Тогда почему этот человек, владеющий половиной города, смотрит на неё так, словно она — самое драгоценное сокровище?

В школе её встретили странные взгляды. Ещё в вестибюле вахтёрша тётя Люба, обычно погружённая в вязание, уставилась на неё с таким любопытством, словно та явилась голой.

— Анна Викторовна, голубушка, — протянула она, откладывая спицы. — А к вам вчера какой мужчина приходил!

Я аж засмотрелась. Охранники за ним, важный такой... Это кто ж будет?

— Знакомый, тётя Люба, — пробормотала Анна, пытаясь проскочить мимо. Но не тут-то было. В учительской её ждала засада. Елена Петровна, завуч, восседала за своим столом с таким видом, словно готовилась к допросу в гестапо. Коллеги, обычно погружённые в проверку тетрадей, сегодня явно только и делали, что ждали её появления.

— Анна Викторовна! — голос Елены Петровны прозвучал слаще патоки. — Присаживайтесь, рассказывайте. Кто этот импозантный мужчина, который вчера осчастливил нашу школу своим посещением? Директор сказал, что он нам спонсорскую помощь предлагает, но вы же понимаете, нам, простым учителям, интересны не столько деньги, сколько... — она многозначительно замолчала.

— Личная жизнь коллег, — закончила за неё математичка Марья Ивановна, женщина с лицом суровой учительницы из советского кино, но с добрыми глазами. — Вы уж простите наше любопытство, Анна Викторовна, но таких мужчин просто так не водят. Это ж матёрый самец, сразу видно.

Анна почувствовала, что краснеет. Краска залила щёки, уши, шею. Она опустилась на свой стул и уставилась в стол, надеясь, что земля разверзнется и поглотит её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.